

КОЭФФИЦИЕНТ ПРОЧНОСТИ

ТЕХНОТРИЛЛЕР

ЗАРЯ-СТРУКТ-01А
ГОСТ 1998
ДОПУСК ± 0.03

ДАТЧИКИ
МИКРОДАНЫХ

ПРЕДЕЛ
КРИТИЧЕН:
 $k=0.9$

РАСЧЕТНЫЙ
 $k=3.1$

Виктор Стеклов

Виктор Стеклов

Коэффициент прочности

«Автор»

2026

Стеклов В.

Коэффициент прочности / В. Стеклов — «Автор», 2026

2030 год. Сведение МКС с орбиты — не торжественный финал, а тикающая бомба. 400 тонн изношенного металла неизбежно развалятся в атмосфере. «Контролируемого» спуска не существует — это баллистическая лотерея, где зона падения обломков зависит от политического торга, а не от математики. Пока мир верит в «штатный режим», за закрытыми дверями идет война. Спецслужбы перехватывают телеметрию, корпорации скрывают риски, министерства торгуются, чтобы огненный дождь накрыл территорию конкурента, а не свою. Первая война ИИ начнется скоро и без людских жертв не обойдется. В эпицентре — пиарщик Роскосмоса. Его работа — улыбаться на брифингах, пока за спиной элиты делят карту мира. Зажат между цинизмом ведомств и ужасом реальности, он понимает: за красивыми словами о сотрудничестве скрывается борьба, где закон физики — единственный, который нельзя купить. Вопрос лишь в том, куда упадут обломки.

© Стеклов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Коэффициент прочности

Пролог

28 мая 2026. МФТИ. Аудитория 403.

К трём часам в четырёхста третьей стояла та майская жара, какая бывает в старых университетских аудиториях в последнюю неделю перед сессией, — когда отопление уже не топит, а лето ещё не вошло в полную силу, и воздух между меловой доской и высокими окнами делается плотным, как вата. Окно со стороны Первомайской было открыто на две ладони, и оттуда задувало не прохладой, а пылью со стройки соседнего корпуса, смешанной с запахом сирени из институтского сквера.

Внизу стучал отбойник — три удара, пауза, три удара, — словно после каждой серии нужно было проверить, дошёл ли.

Катя сидела у окна — за тем местом, которое занимала уже три семестра. На коленях лежала распечатка последней главы диплома, вся в красных пометках научного руководителя. Одной рукой листала, другой записывала за Лебединским.

Паша занял предпоследний ряд. Телефон держал в нагрудном кармане рубашки, камерой наружу, на съёмке: Димка с Борей сбежали на защиту к Трофимову, посмотрят потом. Не посмотрят — Лебединский их на зачёте уронит из принципа, а отвечать Паше: он староста.

Чэнь устроился посередине третьего ряда. В бумажной тетради он вёл две колонки: русская слева, китайская справа. В русском понимал все слова, но не всегда успевал соединить их в смысл. В китайском соединял — но терял оригинальный термин. К маю сложился словарь, какого не было ни у одного переводчика баллистической литературы на планете.

Лебединский одиннадцатый год читал на спецкурсе «Управление сведением крупных орбитальных объектов» — с тех пор как ушёл из ЦНИИмаша и оставил только кафедру. Семьдесят два года. Сегодня была последняя.

Он закрыл ноутбук за пять минут до звонка и глянул на аудиторию поверх очков.

— Ну что. На сегодня у меня всё по программе. Оценки — на зачёте, через две недели там же поговорим с каждым отдельно. Вопросы есть?

Никто не поднял руки.

— Тогда оставшееся время — моё. Хочу вам напоследок рассказать одну задачу, которая не из программы, и на зачёте я вас про неё не спрошу. Но я про неё думаю четвёртый год, и будет нечестно, если не поделюсь. Потому что решать её, скорее всего, придётся кому-то из тех, кто сейчас сидит в этой аудитории.

У кого-то на задней парте пискнул телефон. Студент глянул на экран, беззвучно выругался, сунул в карман. В коридоре загремела тележка уборщицы — ехала с дальнего конца этажа, и по звуку было слышно: минуты четыре-пять. Дверь приоткрылась — заглянула девушка с шестого курса, искала кого-то, увидела Лебединского, извинилась и исчезла.

Лебединский подошёл к окну, постоял, глядя вниз на стройку — отбойник как раз замолчал, — вернулся к столу. Сел на край — делал это редко, обычно читал стоя.

— Восьмое марта две тысячи двадцать четвёртого года. Нейплс, штат Флорида. В жилом доме через крышу пробивает кусок металла. Семьсот граммов.

Он помолчал, давая цифре осесть.

— Это фрагмент батарейной паллеты, сброшенной с МКС за три года до того, в двадцать первом. Общая масса — две с половиной тонны. По расчётам NASA — полная фрагментация на высоте семидесяти километров. До поверхности не должно было дойти ничего. По факту дошло семьсот граммов через крышу жилого дома. Никто не пострадал. Семья подала в суд. NASA возместило ущерб без комментариев.

Он снял очки, посмотрел на стекло, протёр подолом рубашки, надел обратно.

— Запомните, коллеги. Две с половиной тонны, расчётный ноль на поверхности, фактические семьсот граммов через крышу.

Катя подняла глаза.

— Дальше. МКС сводят в течение ближайших четырёх лет. По договорённостям — российский сегмент в двадцать восьмом, остальные в тридцатом. К тридцатому — в Тихий океан. Это вы все знаете, я не первокурсников учу.

В задних рядах кто-то фыркнул.

— Сухая масса — четыреста двадцать. С припасами — до четырёхсот тридцати пяти. В сто семьдесят раз тяжелее паллеты. Вопрос, коллеги: во сколько раз сложнее задача?

Он посмотрел в аудиторию. Подождал. Несколько рук поднялось не сразу.

— Да. Не в сто семьдесят.

Он встал, подошёл к доске и написал в столбик три числа: 420, 2000, 1,4.

— Масса в тоннах. Площадь парусности в квадратных метрах. Баллистический коэффициент — приблизительный, до начала разрушения. Что происходит при входе в плотные слои? С высоты около ста двадцати идёт последовательное разрушение. Первыми — панели и радиаторы, у которых собственная масса к площади — ноль целых чего-то. Дальше — модули с разной герметичностью, разным возрастом, разным креплением. После срыва первого же элемента баллистический коэффициент меняется на порядок. После второго — ещё. Центр массы смещается. Аэродинамические моменты непредсказуемы, потому что конфигурация к этому моменту уже не та, что была секунду назад.

Он положил мел, повернулся к аудитории.

— Моделей для объекта такой массы и такой парусности одновременно — не существует.

Катя перестала писать. Сама этого не заметила — просто рука остановилась на полуслове, в строке, где последний знак был запятой. Чэнь поднял глаза от тетради и смотрел на Лебединского, не моргая. Паша, не отдавая себе отчёта, опустил руку — и камера телефона снимала ему карман.

Отбойник на стройке замолчал.

— «Мир» в две тысячи первом — сто тридцать тонн, компактная геометрия, парусность пренебрежимая. Вошёл, утонул. Промахнулись на сто километров. До сих пор считается отличным результатом. Лучшая работа в моей жизни. МКС — не «Мир». У неё другой порядок по парусности. Это значит: при срыве панелей векторные силы, действующие на оставшуюся часть, поедут в сторону, и ответить мы не сможем. В какую — зависит от того, какая панель оторвётся первой, под каким углом, в какой момент. Эта задача — без экспериментальной базы. Без данных. Без моделей.

Он помолчал.

— По тому, что есть, рассчитать точность входа с четырьмястами двадцатью тоннами и такой парусностью — в лучшем случае сто километров, в худшем — пятьсот. «В лучшем случае» — при штатной работе всех устройств, которые ещё не построены. «В худшем» — при нормальном распределении ошибок в параметрах, которые мы пока не умеем оценивать.

Чэнь что-то тихо спросил у соседа — тот наклонился, перевёл шёпотом. Чэнь поднял руку.

— Профессор. А с отклонением по времени? Четыре минуты?

Лебединский помолчал.

— Хороший вопрос. Четыре минуты по траектории — это плюс-минус тысяча семьсот километров вдоль коридора. С севера от расчётной точки — южный остров Новой Зеландии. С востока — побережье Чили. С запада — Австралия. С юга — антарктический лёд.

Чэнь записал — в обеих колонках. Соседу тоже сказал что-то по-китайски, коротко.

В коридоре тележка уборщицы проехала мимо аудитории, гремя колёсами, и удалилась. Отбойник снова застучал — три удара, пауза, три удара.

— Я вам это рассказал, коллеги, — сказал Лебединский, возвращаясь к столу и собирая ноутбук, — не чтобы напугать. А потому, что кто-то из вас через два-три года будет сидеть в отделе, где эта задача ляжет на стол. Хруничев возьмёт четверых. ЦНИИмаш — троих. «Энергия» — минимум двоих. Кто-то уедет. Я с вашими учниками говорил. Не называю. Но уедет как минимум один.

Он посмотрел на аудиторию поверх очков.

— И когда в двадцать девятом или в тридцатом кто-то из вас окажется в три ночи на совещании, где надо будет подписать решение, — а идеального здесь нет, — я хочу, чтобы вы вспомнили, что в двадцать шестом году старый преподаватель сказал вам одну простую вещь.

Он выдержал паузу.

— Подписывать придётся плохое. Не самое плохое — плохое. Это и есть работа.

Он закрыл ноутбук.

— До зачёта.

* * *

Катя стояла в коридоре у окна и ждала. Марик появился одним из последних — она знала эту его привычку: досмотреть, не осталось ли чего на доске, не забыл ли Лебединский очков.

Этой весной они стали стоять рядом в коридорах и замолкать при других.

Марик шёл, глядя в пол, — Катя знала эту его манеру.

— Всё слышал?

— Слышал.

— И что?

Он открыл рот, тут же закрыл и пошёл дальше.

На последней ступеньке остановился и повернулся к ней вполоборота.

— Знаешь, что я сейчас думаю?

— Что?

— Мне через четыре года будет двадцать семь. А ей — тридцать один. И она всё ещё будет там, наверху, если они ничего не решат.

Катя не ответила.

Они вышли во двор. У фонтана пахло сиренью; две первокурсницы ели мороженое, перебивали друг друга и смеялись. На Первомайской такси посигналило кому-то — не им.

Небо стояло ясное. Если знать, куда смотреть, в девятнадцать двадцать две по Москве должна пройти яркая точка — быстрее самолёта, не мигающая.

Но сейчас на часах ещё четыре.

Глава 1

Она упадёт.

Международная космическая станция — четыреста двадцать тонн железа и алюминия — двадцать восьмой год идёт по орбите с наклоном пятьдесят один и шесть градусов на высоте около четырёхсот километров. Полный виток за полтора часа. За неделю она проходит над Стамбулом с шестнадцатью миллионами под крышами, над Дели с тридцатью двумя, над Токио с тридцатью семью, над Нью-Йорком с девятнадцатью, над Сан-Паулу с двадцатью двумя, над Сиднеем с пятью с половиной; над сотнями городов поменьше; и между ними — деревни, посёлки, фермы. В полосе её движения живёт большая часть человечества — около семи миллиардов человек.

И в какой-то день что-то на ней откажет — двигатели коррекции, ориентация, последний работающий контур охлаждения. После отказа она пойдёт вниз. С этой минуты до первого удара по земле — от нескольких суток до нескольких недель. Развалится неравномерно: тонкая обшивка и фермы сгорят в верхних слоях; до поверхности дойдут самые тяжёлые узлы — баки, силовые элементы, шлюзы, отдельные модули. В крупных кусках — две, три, пять тонн каждый. Они достигнут земли раскалёнными и на скорости в сотни метров в секунду; кинетической энергии у пятитонного куска при таком ударе хватает, чтобы пройти крышу многоэтажного дома и перекрытие. Облако таких кусков разлетится по полосе шириной до двухсот пятидесяти километров от наземного следа орбиты. Узнают первыми те, кому пробьёт крышу.

* * *

Королёв, ЦНИИмаш. Вторник, шестнадцатое июня две тысячи двадцать шестого. Половина пятого.

На мониторе Марины Зориной полоса состояния доходила до правого края. Под столом ровным мелким гулом работал вентилятор системного блока, на стене над дверью красным светилось «16:32», и из приоткрытого окна, поверх рябины у проходной, донёсся короткий сигнал маршрутки, отъехавшей от угла. Снаружи был обычный ветреный вторник: чьи-то невнятные голоса от остановки, шорох пыли по асфальту, басовитый гудок товарного состава, прошедшего за полем южнее института минуту назад.

Когда программа закончила считать, Марина смотрела в правый нижний угол экрана, и ничего на её лице за эти секунды не сдвинулось. В коридоре кто-то прошёл к лестнице, скрипнул половицей и зашагал дальше; в кабинете напротив зазвонил стационарный, длинными редкими гудками, никто не снял; звонок оборвался сам собой и через пару секунд набрал заново.

Марина выдвинула верхний ящик, достала пачку «Парламента» и зажигалку, прикурила, не вставая со стула, глубоко затянулась один раз и резко погасила окурок в утренней чашке, в которой стоял остаток чая, успевшего покрыться плёнкой. Над чашкой тянулся от мокрого окурка тонкий дымок. Марина смотрела на него секунду, потом — на монитор; правая рука, минуту лежавшая на мыши неподвижно, щёлкнула на «Запуск», и счётчик дёрнулся обратно к нулю. По коридору мимо двери кто-то нёс тяжёлую стопку папок; верхняя соскользнула, шаги замерли, человек подобрал её и ушёл дальше. Двумя кабинетами левее включили радио — мужской голос диктора что-то ровно говорил про новое расписание пригородных электричек.

Программа остановилась во второй раз. Марина положила обе ладони на стол, встала и шагнула к окну.

Внутренний двор института во вторник в половине пятого выглядел как всегда: бетонная дорожка вела к проходной, у дорожки серебрилась пыльная рябина, за забором поднимались пятиэтажки жилого квартала, и на ближайшей крыше крепилась тарелка спутникового телевидения, прикрученная неровно, с креном вправо, и солнце, повернувшееся на запад, ложилось на её алюминиевый край ровным бликом.

И на ближайшей пятиэтажке сверху донизу — широкий рваный разлом, и в нём виден был дом изнутри: на одном этаже, в кухне, на проводе висела лампа, под лампой стоял стол с тарелкой, на тарелке лежала ложка; этажом ниже, в прихожей, на крючке висела детская куртка, синяя, с белой полосой по плечу; ещё ниже не было пола, и через провал смотрел голый пролёт лестницы, а на одной из ступенек лежал плюшевый заяц без одного уха. Через два двора дальше поднимался ровный чёрный столб дыма — толстый, неподвижный. Тарелка теперь лежала на бетоне у подъезда, наполовину засыпанная серой пылью, по краю — чёрный потёк гари.

Марина закрыла глаза, подержала и открыла.

За забором стояли целые крыши пятиэтажек, тарелка крепилась с тем же креном вправо, и солнце на её алюминиевом крае лежало ровным бликом; ничего другого на нём. Внизу, по бетонной дорожке, тянулся человек в халате с картонной папкой под мышкой. Где-то выше, в этом же корпусе, скрипнула старая оконная рама, и за ней сразу — голос телевизора, который кто-то смотрел, не убавляя громкости.

Марина вернулась к столу, села, щёлкнула на «Запуск» — и счётчик дёрнулся с нуля заново.

Минуту с лишним Марина смотрела не в монитор, а в чашку с утопленным окурком. Из коридора донёсся обрывок чужого разговора — двое, мужчина и женщина: он что-то про отпуск, который придётся переносить; они завернули за поворот, забрав голоса с собой. Стационарный напротив наконец нашёл хозяина: трубку сняли, кто-то коротко ответил, и снаружи послышались быстрые шаги, удалившиеся к лестнице.

Программа закончила считать.

В правом нижнем углу окна, тёмно-зелёным шрифтом, стояла дата: декабрь две тысячи двадцать седьмого, плюс-минус пять недель.

Марина двинула мышью и открыла рядом со своим окном служебный шаблон. В шапке стояла прошлая дата — двенадцатое июня; исправила на сегодняшнюю, проверила номер исходящего, проверила подпись, прикрепила автоматически генерируемую сводку, и сводка встала в приложение зелёной строкой. На чистом поле перед ней теперь стояли, набранные казённым шрифтом, два предложения: «Прогноз неуправляемого схода МКС идёт в рамках утверждённого графика. Завершение эксплуатации — конец две тысячи тридцатого года». Марина перечитала их сверху донизу, навела курсор на «Отправить», подержала секунду и нажала.

В правом верхнем углу окна загорелось зелёное «Отправлено». В шапке — «Завершение эксплуатации — конец две тысячи тридцатого года».

Тебе врут.

Глава 2

— Всё идёт по плану.

Скотт Хейл выдержал короткую паузу — натренированную, на полсекунды длиннее обычной, — и щёлкнул прозрачным пультом презентации. На белом экране за его спиной открылся рендер Starship V3, идущего на посадку на красной равнине под молочно-чайным марсианским небом, с раскрытыми опорами и языком пыли под кормой.

— У нас открыто окно две тысячи двадцать шестого — двадцать седьмого. Первое в истории беспилотное окно для Starship на Марс. В это окно мы выходим с тем, что собирается за этой стеклянной стеной.

Хоторн, Калифорния, штаб-квартира SpaceX. Пятница, девятнадцатое июня две тысячи двадцать шестого года, два часа дня по тихоокеанскому времени.

Над крышей штаб-квартиры на Rocket Road снижался самолёт из Сан-Франциско; высокий свист турбин уходил вниз и ложился ровным фоном. Шум LAX доносился сюда непрерывно — голову на гул никто в зале уже не поворачивал. Кондиционеры держали воздух на семидесяти двух. Снаружи, на бетонной стоянке между корпусом и оградой, термометр у служебного входа показывал девяносто три. В зале на первом этаже южного крыла стеклянная стена в полтора этажа высотой отделяла его от производственного цеха; за ней, на ярком ангарном свете, виднелась полусобранная вторая ступень Starship V3 — обшивку с двойными сварными швами утром чистили перед визитом прессы. В первом ряду сидели журналисты с камерами, диктофонами и поднятыми над головами телефонами. В дальнем углу, спиной к стене, стоял Бен Тёрнер, начальник внутренней службы безопасности; в его ухе сидел тонкий телесный наушник, провод от которого уходил под воротник рубашки.

Скотт переключил пульт. На экране возникла временная шкала в три цвета: серый — пройденное, оранжевый — текущее, зелёный — впереди. На сером отрезке — две засечки флайт-тестов Block 2. На оранжевом — Block 3 в сборке. На зелёном, ближайшем, — окно двадцать шестого — двадцать седьмого годов, надпись «Demo: up to 5 ships». На зелёном, дальнем, — окно двадцать восьмого — двадцать девятого, «Window-2: ~20 ships, payload 75 t».

— До пяти кораблей в этом окне — это потолок, к которому мы готовимся. Реалистично — будет меньше: окно определяется орбитами Земли и Марса, и если мы успеем дозаправку на орбите вовремя, мы летим в этом окне; если нет — переносим в следующее, двадцать восьмого. Каждый из вас слышал в две тысячи двадцать пятом, как Илон оценил эту вероятность словами «пятьдесят на пятьдесят». С тех пор шансы не изменились: они по-прежнему пятьдесят на пятьдесят, только теперь мы знаем, чего стоит каждый процент.

Зал на секунду шевельнулся, в блокнотах застрочили. Кэти О’Брайен, поднявшаяся к левому микрофону минуту назад, держала на лице тёплую улыбку.

— В следующем окне, двадцать восьмого — двадцать девятого, идём с двадцатью кораблями, грузоподъёмность каждого — семьдесят пять тонн. Корпуса — здесь, в Хоторне и в Старбейзе. Вторая ступень V3, которую вы видите за моей спиной, — Скотт указал ладонью на стеклянную стену, и часть журналистов повернула головы за его жестом, — в ближайшие недели уйдёт на статические испытания, и я приглашаю всех желающих посмотреть лично — у нас есть аккредитация и кофе.

Журналисты коротко засмеялись, и в общем смехе одного — мужского, рваного, из дальнего конца зала — Скотт узнал Дэвида из Reuters, смеявшегося так на каждой пресс-конференции SpaceX последние шесть лет. Щелчок пульта — на экране возник крупный план двигателя в чёрно-серебристом контрасте.

— Несколько слов о двигателе. Raptor 3 — наш самый существенный апгрейд за всю историю программы. Тяга на уровне моря — двести восемьдесят тонн-сила, удельный импульс

— триста пятьдесят секунд. Все вторичные контуры и электроника убраны внутрь самой конструкции, что позволило снять тепловую защиту с боковых поверхностей. Это лучшие на сегодняшний день показатели в классе двигателей полнопоточного ступенчатого сгорания.

Он помолчал секунду, перевёл взгляд на Кэти и подвёл ладонь под микрофон.

— Вопросы.

Из первого ряда одновременно поднялись пять или шесть рук. Кэти кивнула первому от прохода — мужчине в светлой рубашке без пиджака, с микрофоном Bloomberg.

— Скотт, спасибо. По окну двадцать шестого — двадцать седьмого: вы сегодня сами назвали пятьдесят на пятьдесят. Если переносите — куда?

— На следующее, двадцать восьмого. У марсианских окон расписание простое — раз в двадцать шесть месяцев.

— То есть пять кораблей в двадцать шестом — двадцать седьмом могут вообще не лететь?

— Могут. Окно — это не дедлайн контракта, это положение планет.

Тонкий смех в первом ряду. Кэти показала следующему — седьмому, в серой рубашке-поло, с диктофоном Aviation Week.

— Скотт, по дозаправке на орбите: на каком этапе у вас передача криогенного топлива между двумя кораблями?

— Подготовка. Конкретных значений сегодня не назову, потому что мы не публикуем чисел, которые завтра поменяются. Конкретику получите от Илона, когда он сочтёт нужным.

Кэти посмотрела в левый край зала. На крайнем стуле второго ряда — в простом светлом жакете без логотипа на груди, с компактным цифровым диктофоном в руке и тонким коричневым блокнотом на коленях — поднимала руку женщина лет тридцати пяти, с короткой стрижкой и без украшений, кроме узких стальных часов на левой кисти. Бейдж её Кэти не сразу узнала; всмотрелась — «Wu Jinling, Caixin» — и кивнула. Дежурный сбоку от помоста подал ей микрофон по проходу.

— Мистер Хейл, спасибо за обновление по Mars.

Голос у неё был низкий, ровный, и говорила она по-английски с лёгким северо-китайским акцентом, мягко глотающим окончания.

— Один вопрос. Вы сегодня не сказали ни слова про USDV — про аппарат для контролируемого свода МКС, по контракту от июня двадцать четвёртого, на восемьсот сорок три миллиона долларов. Можете обновить статус?

В зале к этой реплике стало чуть тише, чем между предыдущими вопросами. Кто-то справа негромко прокашлялся в кулак. Скотт держал пульт и смотрел на него.

— Спасибо за вопрос. По USDV — мы идём в рамках утверждённого графика. Проектная документация закрыта, идёт сборка прототипа, в первом квартале две тысячи двадцать восьмого выходим на квалификацию. Всё идёт по плану.

— Мистер Хейл, простите. Можно уточнить?

Кэти у левой стойки приподняла ладонь, чтобы показать Скотту, что вопрос она снимает; Скотт боковым зрением её движение поймал, но смотрел в это время не на Кэти, а в зал, поверх журналистки Caixin.

— По официальному отчёту о статусе NASA от пятого июня этого года, прототип USDV должен был пройти приёмку основных систем к маю двадцать шестого. На сегодняшний день, по моим данным, приёмка не пройдена. Я хотела бы спросить — это так?

Зал на эту реплику замер на одно длинное дыхание. Бен Тёрнер у дальней стены не сдвинулся, только большой палец его руки скользнул вдоль провода наушника на полсантиметра вниз и обратно. Скотт держал ладонь над микрофоном, потом её опустил.

— У меня нет с собой текущего отчёта о статусе. Все технические подробности по приёме мы публикуем в наших ежеквартальных отчётах, и я отсылаю вас к ближайшему, который выйдет в начале июля. Спасибо.

— Мистер Хейл...

— Спасибо за вопрос. — Та же короткая улыбка, в которой ни одна мышца выше глаз не двигалась. — Кэти, у нас, кажется, время.

Кэти подошла к своему микрофону. Улыбка её к этому моменту уже села на лицо ровно — заученная за восемь лет в пресс-службе SpaceX.

— Спасибо всем, что были с нами. Полная запись и материалы будут у вас в почте через сорок минут. Вопросы по USDV прошу адресовать пресс-службе NASA, они сегодня тоже работают. Спасибо.

К Кэти потянулись руки ещё несколько раз — Reuters, Wall Street Journal, кто-то от Aviation Week. Кэти кивнула им общим кивком, без слов, отступила от микрофона и махнула в сторону Бена Тёрнера. Бен отделился от стены, и движение его, до того ленивое, стало точным. Скотт сошёл с помоста по правой ступеньке. У выхода миновал двух сотрудников NASA Public Affairs; один из них, мужчина за пятьдесят, держал его взглядом до самого служебного коридора. Журналистка Caixin осталась сидеть на стуле. Диктофон опустила в боковой карман сумки, левой рукой положила блокнот на колено, правой раскрыла его на чистой странице. По странице сверху вниз пошла ровная мелкая запись китайскими иероглифами; на одном из них рука задержалась, перечеркнула его горизонтальной линией и продолжила дальше.

* * *

Малый конференц-зал на втором этаже северного крыла — без окон, тёмно-серый ковёр, четыре потолочные панели с тёплым светом. На длинном столе — четыре пустые бутылки воды и одна полная, и чашка с эмблемой SpaceX, в которой остыл кофе, сверху затянутый плёнкой. У стены сидел Хорхе Сото, директор программы Raptor, пятидесяти двух лет, с короткой седой бородой, в чёрной рубашке-поло с эмблемой двигателя на левой груди — листал что-то на ноутбуке.

Скотт у двери остановился, сдвинул правую манжету выше на полсантиметра — давний жест перед тяжёлым разговором — и вошёл. Сел за стол напротив Хорхе.

— Видел?

— Со второго ряда. — Сото закрыл ноутбук. — Caixin не аккредитована у нас постоянно, это первый раз.

— Кто её провёл?

— Кэти.

— А она знает?

— Кэти из Texas A&M, не из Лэнгли. Она проверяет, что у журналиста есть подпись редактора и доменная почта. Caixin — реальное издание. Подпись редактора — реальная.

Скотт ладонью провёл по подбородку, по старому шраму на скуле. Хорхе оторвался от ноутбука: знал, что это значит.

— Они спросили про приёмку основных систем по отчёту о статусе от пятого июня.

— Я слышал.

— Этот доклад не публиковался. Внутренний, уровень субконтрактора. Список рассылки на тридцать одного человека.

— Я знаю. Я перечислил его в голове, пока ты говорил «спасибо за вопрос».

— Семнадцать.

Сото опустил взгляд на чашку с плёнкой и держал на ней дольше, чем требовалось.

— Семь моих, десять твоих, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Кэти с юристами и Джессика — семь, формально в рассылке, фактически читают первую строку. Стич с прямыми — пять. Архив на хранении — два. Семнадцать наших.

Скотт смотрел на ту же чашку. Сото назвал свои первыми, и числом меньше.

— Что мы делаем?

— Ничего открытого. С завтрашнего утра я хочу видеть, кто из этих семнадцати в каких чатах и на каких устройствах открывает текущий статус. Без шумного аудита. Бен поднимет это без журналов в течение часа, у него прямой доступ к корпоративной телеметрии.

— Бен не из Лэнгли.

— Из Райт-Паттерсона. Этого хватит.

— А Caixin?

— Это последнее звено в цепи, не первое. Их журналистка получила распечатку, на которой есть номер, дата и три цифры. Она их прочитала вслух, потому что её редактор сказал: задай этот вопрос. Кто положил распечатку её редактору на стол — не наш разговор. Но кто внутри нашего списка её туда передал — наш. С этого начинаем.

Скотт кивнул, встал и направился к двери; там остановился и обернулся.

— Хорхе. Эта распечатка нигде, кроме нашей внутренней рассылки, не существует.

Сото поднял на него глаза и держал взгляд ровно.

— Знаю.

Скотт вышел и закрыл за собой дверь. В коридоре было пусто — пятница, без двадцати три, в северном крыле в этот час обычно никого. Шесть шагов до окна в торце, остановился. За окном — бетонная стоянка, в дальнем её конце его серая Tesla, рядом — серебристая Honda Civic с наклейкой проката на заднем стекле, стоявшая криво, передним колесом на белой полосе.

Откуда они это узнали?

Глава 3

— Откуда вы это знаете?

Юбер Деларю посмотрел на Лю Шэна поверх очков, сложил руки на столе и ответил без задержки, ровным голосом человека, который эту реплику в своей карьере произносил много раз, и каждый раз в чуть других обстоятельствах.

— Двадцать пять лет в этом здании, господин Лю. По программе сведения МКС ни одно европейское агентство без согласия Вашингтона не двинется. Я видел этот цикл по семи направлениям и в трёх составах комиссии; в нынешнем — особенно жёстко. Если у вас завтра появится согласие Вашингтона — мы говорим дальше. Если нет — у нас с вами этот разговор по этой программе заканчивается через пятнадцать минут.

Брюссель. Schuman, штаб-квартира EEAS, кабинет на четвёртом этаже. Пятница, двадцать шестое июня две тысячи двадцать шесть, четверть седьмого вечера.

В кабинете было светло — низкое солнце входило через окно за спиной Юбера и ложилось длинной полосой на ковёр между ним и Лю. На рабочем столе перед Юбером лежала тонкая зелёная папка с распечатанной повесткой их сегодняшней встречи: Lunar Gateway, EхоMars, общие вопросы научно-технического сотрудничества. По первым двум пунктам они прошли быстро, минут за двадцать; по третьему — уже сорок минут, и за эти сорок минут Лю успел положить перед Юбером четыре формата помельче, по каждому из которых, по гипотезе Лю, можно было двигаться без согласия Вашингтона. Юбер закрыл четвёртый формат три минуты назад. Сейчас Лю задал свой вопрос, и Юбер ответил.

— То есть Брюссель в этой схеме — не точка входа, — сказал Лю.

— Брюссель в этой схеме — точка проверки. Когда согласие Вашингтона будет — мы здесь его проверим, удостоверимся, что оно настоящее, согласуем с двадцатью семью столицами и оформим в европейский протокол. Вход — там. Здесь — оформление.

Лю кивнул. Достал из кармана пиджака маленький блокнот в чёрной обложке, открыл его на чистой странице, написал две строки по-китайски, мелко. Закрыл блокнот, убрал обратно. Юбер на эти движения посмотрел без замечания — ему за двадцать пять лет такие записи в кабинете показывали все, кто к нему приходил, и он давно перестал предполагать, что их кто-то делает в расчёте на скрытость.

Лю не ответил больше ничего. Взял со столика стакан с водой, отпил, поставил обратно. Налил ему Юбер в начале встречи; сейчас вода была комнатной температуры. В коридоре за дверью прошли чьи-то шаги, постояли, ушли.

Юбер ничего не добавил. Они оба эту полминуты молчания использовали одинаково — каждый сделал у себя в голове ту прикидку, какую делают на этих этажах профессионалы за двадцать-двадцать пять лет работы. Ни Лю, ни Юбер прикидку не озвучивали; вслух её здесь произносить считалось дурным тоном, а главное — бессмысленным, потому что обе стороны её знали и без проговаривания.

— Спасибо, Юбер.

— Не за что.

Юбер посмотрел на свои часы и перевёл взгляд на тонкую зелёную папку с повесткой. По третьему пункту они прошли всё.

— У нас осталось ещё пятнадцать минут до семи. Если нет других вопросов по сегодняшней повестке — у меня есть две идеи по октябрьскому семинару EхоMars, и я хотел бы услышать вашу оценку.

Лю кивнул. По EхоMars они говорили оставшиеся пятнадцать минут спокойно, как говорят коллеги, у которых одна общая работа и один общий рабочий вечер впереди. В семь без

четырёх Юбер закрыл папку, и они вышли в коридор. Попрощались у лифта по-европейски — без рукопожатия, коротким наклоном головы.

* * *

* * *

В аэропорту Завентем у выхода В-12 на пятничный рейс Air China до Пекина оставалось двадцать пять минут до начала посадки. Лю Шэн сидел у окна зала ожидания на красном пластиковом сидении, смотрел через стекло на стоянку — там между двух «Боингов» с европейскими опознаваниями шёл по бетону техник в оранжевой жилетке, и за ним, чуть отстав, ехал маленький грузовичок с трапом. Над стоянкой стояли низкие облака; солнце, которое час назад в Schuman ложилось длинными полосами на стеклянные фасады, сюда уже не доходило.

Лю в зале ожидания был с открытым билетом — обратный, на Брюссель, через две недели. Билет лежал во внутреннем кармане пиджака, рядом с блокнотом. Он туда смотрел сегодня вечером уже два раза: один раз в посольстве, когда заходил к себе за чемоданом, второй — в такси по дороге сюда. Через две недели он сюда вернётся, и это формально будет означать, что направление за ним сохранено и работа продолжается. Содержательно это уже не означало ничего.

Слева от него, через два сидения, сидел китаец лет сорока пяти — в дорогом сером костюме без галстука, с ноутбуком на коленях, и говорил в гарнитуру по-мандарински, негромко, но в зале ожидания всё равно слышно: с Сингапуром, по сделке на двенадцать лет вперёд, по сжиженному газу, с цифрой, которую Лю про себя автоматически перевёл в порядок. Порядок был такой, какого в его шестилетней работе по европейскому направлению ни разу не случалось проходить через стол. Человек договаривался — не передавал чужие договорённости, не оформлял уже достигнутое, не проверял, можно ли двинуться, — а **сам, в зале ожидания, в гарнитуре, между двух «Боингов» и одним грузовичком с трапом, закрывал** условия, на которые завтра кто-то поставит подпись.

Справа от Лю, через одно сидение, сидела женщина лет шестидесяти, китаянка, читала книгу на упрощённом, и время от времени делала пометки на полях.

Над выходом на посадку загорелось табло с информацией о других рейсах из этого зала — Air China на Шанхай, Singapore Airlines на Сингапур, Etihad на Абу-Даби с пересадкой, Aeroflot на Москву, Turkish на Стамбул. Лю пробежал глазами по списку. В каждой из этих столиц у Китая в это лето шла активная работа — открытые повестки, текущие переговоры, недельные брифинги, на которых решения принимались в кабинетах участников, а не передавались туда из других кабинетов. Где сегодня летят его одноклассники по дипломатической академии, выпуска две тысячи третьего года, он мысленно знал по фамилиям, не считая. Шестеро из них в эти годы уехали в столицы из этого списка. Лю шесть лет назад про них в разговорах с женой говорил снисходительно: направления второго ряда, неблагодарная работа, что там делать, в Москве и в Анкаре. У него самого тогда была Европа — сердце старого мира, куда посылают как награду за выслугу. И он туда дошёл — выждал, отработал, получил.

Шесть лет.

Под окном по бетону прошёл другой техник в оранжевой жилетке, постоял у крыла «Боинга», постучал по нему ладонью два раза, ушёл.

Лю смотрел на это и чувствовал в себе ту тяжесть, какую человек его профессии в первый раз обнаруживает на пятом или на шестом году серьёзной работы — когда то, что считалось его главным, оказывается **вторым. Не плохим, не лишним, не позорным. Просто вторым**. Передаточным звеном между местом, где принимается решение, и местом, где это решение оформляется в протокол. И всё, что Лю в Брюсселе делал шесть лет — это, по сути, оформление протоколов на чужие решения. Содержательной строки на его столе не было ни одной. Брюссель не место для содержательных строк.

Сосед слева закончил разговор по сжиженному газу, снял гарнитуру, закрыл ноутбук. Через минуту достал телефон, набрал второй номер, заговорил снова — уже на английском, с лёгким китайским акцентом, с какой-то австралийской компанией в Сиднее, по медной проволоке. Опять — сам. Не передавал, не проверял, не оформлял.

Над выходом В-12 раздался лёгкий звуковой сигнал, и сотрудница в синей форме произнесла по-английски, потом по-китайски, потом по-французски: посадка на рейс Air China до Пекина начнётся через пятнадцать минут, пассажирам с детьми и пассажирам делового класса просьба пройти к стойке досмотра. Лю в делового класса не входил — его билет был в экономе, как обычно у атташе его уровня, — и он остался сидеть.

В небе над аэропортом, в просвете между низкими облаками, прошла яркая точка — быстрее самолёта, не мигающая. Лю её не увидел; он смотрел на стоянку, и в его поле зрения, ограниченном краем окна и линией крыши терминала, эта яркая отметка не попала. По расписанию орбиты, которое в брюссельском посольстве ему два раза в неделю присылал младший аналитик, в это время через северо-западный край Бельгии должна была проходить международная космическая станция.

Картинка сходится.

Глава 4

— Данные совпадают.

Хирано Дайчи проговорил эту фразу вслух на четвёртой секунде после того, как в окне сравнения у него на средней панели зелёная кривая — измеренная — догнала серую и легла на неё. До этой секунды он сидел не двигаясь, глядя на ту точку, где две линии должны были встретиться или разойтись, и держал ладони на коленях, чтобы не было видно с соседнего пульта, как они слегка подрагивают. Расчётная строилась в Цукубе годами; вторая пришла за последние шестьдесят пять секунд с акселерометров, гироскопов и тензометров на основных силовых элементах МКС. Кривые тянулись друг по другу, расходясь местами на доли процента, и сошлись снова к финальной точке.

Хирано выдохнул в сторону, чтобы Танака-сан этого тоже не услышал. Потом проговорил.

Танака-сан, заместитель руководителя смены, не поднимая глаз от своего экрана, кивнул и записал в чёрную А5-тетрадь — тонким мягким карандашом, какой он покупал в одном и том же магазине канцелярских товаров на улице Намики уже двенадцать лет.

Цукуба, префектура Ибараки, Япония. Tsukuba Space Center, JAXA. Пятница, двадцать шестое июня две тысячи двадцать шесть, по местному двадцать три двадцать четыре — суббота наступит через тридцать шесть минут.

Окон в зале не было — только панели акустического покрытия, в нижней части синие, в верхней чёрные. Ровный гул кондиционирования и тонкое пощёлкивание клавиатур восьми операторов, каждый — за своим пультом. На большом экране в центре зала — траектория МКС: эллипс с наклоном пятьдесят один и шесть градусов на высоте около четырёхсот километров. Четыреста двадцать тонн железа и алюминия идут по этой траектории двадцать восьмой год, делая полный виток за полтора часа. Под траекторией — свежая запись манёвра: малый reboost орбиты Международной космической станции силами двигателей HTV-X1, пристыкованного через Canadarm2 и общий стыковочный механизм к ноду Harmony. Шестьдесят пять секунд импульса. Закончился сию минуту.

Это был первый reboost в истории японской программы.

Малый reboost — поднять орбиту на километр-другой, когда атмосфера её опускает. Эту работу с двадцать первого года делают по очереди американский Cygnus, российский Прогресс и, с прошлого ноября, Cargo Dragon. У каждого — свой стыковочный порт, своя механика подачи импульса; у каждого — своя натурная модель отклика станции, наработанная за годы. У Японии до сегодняшнего вечера такой модели не было — было только то, что Цукуба насчитала на стенде в Цуруге и на цифровом двойнике в этом самом зале.

Большой манёвр — другой. Если на станции что-то откажет и она пойдёт вниз, отвести точку входа в атмосферу с одного полушария на другое можно только направленным импульсом — точно в нужном узле, в нужный момент, в нужном векторе. На такой манёвр нужно в десятки раз больше топлива, чем на малый reboost. И нужна — точно — проверенная модель того, как именно отзовется станция в четыреста двадцать тонн на приложенную силу.

Сегодня в двадцать три двадцать три и десять секунд японские двигатели первый раз в истории JAXA подняли орбиту станции — а Цукуба первый раз в истории получила натурный отклик станции на свою модель. Кривые сошлись.

— Хирано-сан.

Это была Камия Мисаки, оператор телеметрии, шестнадцать лет в JAXA, девять из них — в этом зале. Голос у неё был ровный, но за этим ровным голосом Хирано слышал — она тоже эти шестьдесят пять секунд держала плечи выше обычного.

— Бортовая запись от Кояма Тиаки получена. Расход по техпаспорту.

— Принято.

Он не сразу спросил дальше. Поправил очки за дужку, посмотрел в свой служебный лист, потом обратно на экран.

— Наш файл?

— Открыт. Расход тот же. Остаток в баке — на четыреста килограммов больше техпаспортного.

— Принято. Камия-сан, в международный сегмент — по бортовой записи.

— Ввожу.

Камия ввела значение с экрана Кояма Тиаки в поле международной телеметрии и отправила. В правом верхнем углу её служебного интерфейса загорелась зелёная точка. Через сорок секунд тот же файл получают Mission Control в Хьюстоне, ЦУП в Королёве и операционный центр Columbus в Кёльне. Всё, что они увидят, — расход по техпаспорту НТВ-X1. Всё, что увидит Кояма Тиаки на станции, когда утром сверит свой бортовой журнал с международным агрегатом, — то же самое.

— Танака-сан. — Хирано повернулся к соседнему пульта. — Внутренний журнал. Две строки.

— Открыт.

— Первая — расход на манёвр, ушёл в международный сегмент. Вторая — остаток в баке. На четыреста килограммов больше техпаспортного.

Танака открыл тетрадь на следующей чистой странице. Записал первую строку — цифрой. На второй провёл черту по диагонали и вписал: +400. Карандаш он держал тремя пальцами, без нажима — так, как держат каллиграфы, когда выводят знак, который потом не положено стирать.

— Записал.

Хирано посмотрел на эту вторую строку — теперь её увидят только три человека в этом зале и ещё двое в кабинете руководителя программы, которым она ляжет на стол утром в понедельник. Бак НТВ-X1 был на четыреста килограммов топлива больше, чем значилось в его техпаспорте. На малый geboost эти четыреста избыточны: их хватит на десяток таких сегодняшних. На направленный импульс при катастрофическом сходе четырёхсот двадцати тонн с орбиты — ровно один.

Это знали в Цуруге, где бак проектировали. Это знали в Цукубе, где утверждали техпаспорт для международного обмена и инструкцию JX-RCS-MNV-018 для внутренней записи. Это знал Хирано, который сегодня в первый раз вёл эту смену на живой машине. Это знала Камия. Это знал Танака, который сейчас закрывал чёрную тетрадь на сегодняшней странице.

Никто никаких вопросов не задавал.

Хирано поднял глаза на стену между двумя панелями акустического покрытия — там висела рамка с фотографией НТВ-1 на подходе к ноду Harmony, сентябрь две тысячи девятого, на дальнем плане шаттл «Дискавери», в правом нижнем углу между обшивкой шаттла и силовой фермой станции — край рукава скафандра астронавта, чьё имя на снимке не значилось. Под рамкой в рамке поменьше — восемь иероглифов, девиз центра: «Точность через повторение». Хирано задержал взгляд на каллиграфии секунду и вернулся к экрану.

На правой панели стояли в столбик одиннадцать пунктов послеманёвренных процедур. Хирано прошёл по ним сухо: подтвердил передачу международного файла, закрыл агрегированный файл, синхронизировал бортовой журнал станции, перевёл систему в режим ожидания следующего манёвра, проверил расход на сутки вперёд, подписался личным электронным ключом в конце смены.

* * *

В двадцать три пятьдесят одну Хирано встал из-за пульта, размял шею, обошёл зал по периметру против часовой стрелки — привычка с одиннадцатого года, из-за давнего смещения

позвонка, на которое он давно не обращал внимания, но которое в конце двенадцатичасовой смены давало о себе знать тупой ровной болью в правой лопатке. Танака-сан уже закрыл свою тетрадь и стоял у автомата с холодным зелёным чаем в углу, разглядывая надпись на бутылке — японскую и английскую сразу, как принято на всех ёмкостях, продаваемых внутри ведомств.

Хирано перешёл в маленький смежный кабинет, где хранились внутренние журналы операционных смен. Шкаф был стандартный, металлический, серого цвета, с восемью полками; на каждой стояли в столбик чёрные пластиковые папки формата А4, по дате — слева новые, справа старые. Хирано вынул «июнь — двадцать шестой», пролистал до последней страницы, где Танака-сан перед уходом со смены распечатал и подшил две строки сегодняшней записи. На второй строке стояло: +400. Хирано закрыл и поставил обратно — в тонкий промежуток между «маем» и пустым местом, где через неделю встанет «июль».

Под полкой — отдельная табличка, отпечатанная обычным офисным способом и заклеенная прозрачной плёнкой против выцветания, иероглифами, ровным шрифтом, без жирного: «Внутренние журналы операционных смен. Хранение — постоянно. Доступ — по разрешению руководителя программы. См. инструкцию JX-DOC-ARC-002.»

Хирано закрыл шкаф, повернул маленький ключ в замке и положил его в правый верхний ящик стола Танаки-сана, как делали все сменные руководители в этом кабинете последние девятнадцать лет.

Вернулся в зал, сел на свой стул, открыл планшет с расписанием на следующую неделю. Окамура-сан уже подходил к двери — его шаги Хирано различал на слух за десять метров.

— Окамура-сан.

— Хирано-сан. Передача смены.

— Манёвр прошёл штатно. Бортовая запись — по техпаспорту, в международный сегмент ушла. Внутренний журнал — закрыт и в шкафу.

— Отклонения.

— В пределах. Подробности — во внутреннем журнале.

— Принято.

Окамура занял пульт, и Хирано встал, поклонился ему коротким поклоном того, кто передаёт смену, поклонился отдельно Танаке-сану и отдельно Камии-сан, надел пиджак, висевший на спинке его стула, и вышел из зала. В коридоре, на ровно освещённой стене рядом с дверью, висела ещё одна каллиграфия — четыре иероглифа: «Всё прописано в инструкциях». Хирано шёл мимо неё, как шёл каждый рабочий вечер двенадцать лет, и сегодня тоже — не остановившись и не повернув головы. У выхода из коридора, перед турникетом, он на полсекунды задержал руку над сканером пропуска, прежде чем приложить.

* * *

Через тридцать четыре минуты Хирано вернулся домой, где жена уже легла, оставив на кухне рис в термосе и накрытую плёнкой тарелку с маринованным сладким имбирём, и где старший сын, аспирант в Цукубском университете, ещё не спал — сидел за кухонным столом с раскрытым ноутбуком, в котором отражалась его очередная попытка дописать к понедельнику главу диссертации по теплофизике низкотемпературных систем.

— Папа.

— Сын.

Кивнули друг другу, и Хирано подошёл к раковине, налил себе тёплой воды, отпил, поставил стакан рядом с термосом и сел напротив сына — на тот же стул, на котором сидел в этой кухне последние двадцать восемь лет.

Сын смотрел в экран и медленно набирал что-то одной рукой, другой держа карандаш над раскрытой тетрадью. Хирано различал на странице почерк — мелкий, аккуратный, с лёгким наклоном вправо, тот самый, которому жена учила его в первом классе и которым он с тех пор писал уже двадцать один год. На стене висела старая школьная грамота за победу в районной

олимпиаде по физике в две тысячи семнадцатом; жена настояла, чтобы её повесили, и когда сын в двадцатом уехал в общежитие, эта грамота так и осталась наверху все следующие годы. Через приоткрытую дверь спальни в глубину коридора шёл ровный свет — жена привыкла спать с ночником.

Сын поднял глаза.

— Папа, ты что-то сказал?

— Нет, сын. Думаю.

— О работе?

— Да.

— Сложный день?

— Обычный.

Сын кивнул и вернулся к экрану. Хирано смотрел на свой стакан с тёплой водой, поверх которой отражался свет кухонной лампы — мягкий, жёлтый, встроенный в потолок ещё до того, как они переехали в этот дом из квартиры в Минами-Ибараки. В отражении была, в общем-то, только лампа.

Через сорок минут МКС снова пройдёт над Цукубой. Через полтора часа — ещё раз. Двадцать восьмой год идёт по орбите. Когда-нибудь что-то на ней откажет — двигатели коррекции, ориентация, последний работающий контур охлаждения, — и она пойдёт вниз. Кухня, в которой сейчас тихо стучит карандаш сына, и спальня, в которой за приоткрытой дверью горит ночник жены, лежат в полосе её движения. Как лежит весь Хонсю. И Сикоку, и Кюсю, и пятая часть мира.

Бак НТВ-X1 был спроектирован ровно на эту разницу. Сегодня в первый раз разница легла в журнал — четыреста килограммов топлива сверх техпаспорта. И сегодня в первый раз на живой машине сошлись расчёт и натура. Один точный толчок Япония, если придётся, теперь может приложить — в нужном векторе и в нужный момент, чтобы отвести.

Всё прописано в инструкциях.

Глава 5

— Вам надо изучить все инструкции.

Михаил Андреевич Ковалёв, начальник отдела нормативно-технической документации Роскосмоса, сидел спиной к двери, лицом к окну и компьютеру, и сказал это, не оборачиваясь и не отрывая глаз от экрана, той же ровной интонацией, какой за все эти годы выдавал свою стандартную фразу каждому, кто впервые переступал порог.

Москва, Бережковская набережная, дом двадцать два. Отдел нормативно-технической документации, цокольный этаж второго корпуса. Понедельник, первое июня две тысячи двадцать шесть, четверть десятого утра.

Зал был длинным, с низким потолком и рядами стеллажей от стены к стене; у окна, спиной к двери, сидели Ковалёв и Наталья Семёновна — невысокая, седая, в синем кардигане поверх белой блузки. Лампы под потолком гудели на одной ровной ноте, и на этом гудении разбирался редкий стук пальцев Ковалёва по клавиатуре. В открытое во внутренний двор окно заходил воздух после ночного дождя, с лёгкой примесью мокрой пыли, и смешивался в зале с запахом старой бумаги.

К столу в углу у торцевой стены — четвертому, без компьютера, с настольной лампой на бронзовом основании — Пашу подвела Наталья Семёновна: подошла молча, показала рукой на стол и вернулась к окну. Паша поставил сумку у ножки стула, повесил пиджак на спинку и сел; лампу включил раньше, чем огляделся.

* * *

К полудню в понедельник пятнадцатого июня в зале было тихо так же, как в первый день: гудели лампы под потолком, и слышно было, как у окна Наталья Семёновна перевернула страницу в журнале — тонкий бумажный шорох через весь зал.

Перед Пашей лежала открытая дипломная тетрадь. На правой стороне разворота — последний график, расчерченный карандашом: прицельная точка входа в плотные слои, эллипс рассеяния, координаты Немо в Тихом океане. На левой — выводы, в три строки, мелким почерком. Тема диплома была стандартной для кафедры: расчёт зоны рассеяния обломков при управляемом сходе крупных орбитальных объектов. Управляемый сход держался на одном условии — к станции приходит транспортный модуль, пристыковывается и в расчётный момент выдаёт тормозной импульс.

В пятницу научный руководитель, дойдя до этих трёх строк, поправил очки и кивнул: «Хорошо, хорошо. Теперь оформляйте». На этом кивке Паша поставил карандашом в углу страницы птичку и закрыл тетрадь.

* * *

Та же лампа горела над столом и в понедельник двадцать второго июня, и тетрадь лежала та же, на последнем развороте.

В этот раз страница оказалась перевёрнута. На левой стороне нового разворота лежал чистый лист в клетку, без следа карандаша. Над ним рука с ручкой держалась минуту, потом вторую. На углу стола стоял стакан воды, налитый утром у Натальи Семёновны и к этому часу остывший до тёплого; внутри стакана, на дне, осела крошечная пузырьковая дорожка. У окна Наталья Семёновна перевернула страницу в журнале, и в эту секунду в зале не двигалось ничего, кроме её страницы и Пашиной ручки над листом.

Над верхней строкой листа появилось одной строкой: «Что было бы, если бы транспортный модуль не запустили». Снизу Паша подчеркнул её ровной чертой.

Паша несколько секунд смотрел на эту строку. Потом закрыл тетрадь и пошёл к столу Натальи Семёновны.

* * *

— Наталья Семёновна, простите. У меня по диплому возник вопрос: что было бы, если бы транспортный модуль для свода станции не запустили и она пошла вниз сама. Я в нашем фонде ничего такого не помню. Можно поискать по учёту?

Она оторвалась от компьютера, посмотрела поверх очков на Пашу, какое-то время молчала и потом снова повернулась к экрану.

— Зайдём в учётную систему. По «сходу» гляну.

В системе у Натальи Семёновны был доступ к указателю по индексам и заголовкам всего хранилища отдела, и этот указатель она знала наизусть: десять лет каждое утро начинала с того, что прогоняла по нему свежие поступления. Сейчас она ввела одно слово — «сход».

Запрос вернул массив в тысячи позиций — всё, что в учёте под этим словом стояло за десятилетия, от ранних программ до отработанных модулей МКС. Наталья Семёновна посмотрела на выдачу, прокрутила колесом мыши вниз и обернулась к Паше.

— По «сходу» у нас тысячи позиций, Соколов. Это вы, я думаю, по своему диплому большую часть уже видели. Если в этом массиве нужно что-то конкретное — скажите, как формулировать. По одному «сходу» я нужное вам не выловлю.

* * *

К утру следующей среды, двадцать четвёртого июня, у Паши на четвёртом столе под лампой лежал свежий листок: пять слов, какие за вторник он перебрал в уме как близкие к нужному. С листком он подошёл к Наталье Семёновне, положил его на угол её стола и отступил на шаг к стеллажу, чтобы не дышать ей в плечо.

Она посмотрела на листок, кивнула и стала прогонять слова по системе одно за другим. На каждое слово выдача либо открывалась пустой, либо содержала несколько заголовков, не имевших отношения к делу. Между запросами Наталья Семёновна не оборачивалась — только её правая рука перестукивала по клавиатуре.

К одиннадцати последняя строка листка была прогнана. Наталья Семёновна, не оборачиваясь, протянула листок обратно через плечо.

— Соколов, по этим словам — пусто или не то.

В понедельник двадцать девятого Паша принёс другой листок — на этот раз шесть формулировок, посуше, поофициальнее: те обороты, какие он встречал в собственных рабочих папках, когда автор методики оговаривал, что дальше его задача не идёт. Наталья Семёновна прогнала и эти. На экране у неё каждый раз открывалась короткая выборка — те же знакомые ему документы по управляемому.

К пятнице третьего июля у Паши кончились слова.

В этот день он подошёл к столу Натальи Семёновны без листка. Постоял, ничего не сказал. Наталья Семёновна, заметив его, отодвинула кресло, сняла очки и посмотрела на Пашу долгим утомлённым взглядом.

— Соколов, по всем словам, что вы приносили, у меня в учёте либо пусто, либо не то. Если есть конкретный индекс или название — попробую. По остальному — это, пожалуй, к Михаилу Андреевичу. Он по фондам помнит больше нас.

* * *

В шесть Наталья Семёновна выключила компьютер, надела жакет и ушла; по коридору в дальнем конце прошли чьи-то шаги и стихли на лестнице. В зале остался один Паша. Под лампой лежал тот же лист в клетку, со строкой «Что было бы, если бы транспортный модуль не запустили», и ниже — пусто.

Он сидел в одной позе, не двигаясь, и смотрел не вниз, а мимо листа — на лампу, в её жёлтый круг на столешнице. Правая рука лежала ладонью вверх, расслабленно; левая была сжата в кулак, и костяшки пальцев в нём белели от напряжения. Лампа гудела ровно, и за окном хлопнула дверь машины.

Этого не могло быть. Расчёт неуправляемого сценария — задача, какую любая инженерная организация обязана была посчитать. И обязана была хранить здесь, в этом самом архиве, рядом с управляемой, как пара к ней.

Паша выключил лампу и вышел.

* * *

В понедельник шестого июля Паша пришёл в зал к девяти, как обычно: на приветствие Наталье Семёновне кивнул в ответ, сел за свой стол, включил лампу. До десяти он не открывал тетради и не доставал ни одной папки.

В зале было то же ровное гудение, что в первый день. У окна Наталья Семёновна работала в системе, время от времени отвечая по добавочному. Ковалёв печатал свою утреннюю сводку — двумя пальцами, не торопясь, с короткими паузами на чтение.

Без десяти десять Наталья Семёновна вышла в коридор к копировальной машине — было слышно, как машина шумит на разогреве. В зале остались только Ковалёв и Паша.

Полминуты Паша ещё посидел, глядя на свою закрытую тетрадь. Потом из-за четвёртого стола встал, прошёл через зал и остановился у Ковалёва, чуть сбоку, чтобы не нависать над плечом. Ковалёв печатал ровно, не отрываясь от экрана. На его столе рядом с клавиатурой стояла кружка с чаем, в которой пакетик уже выцвел до бледно-жёлтого. Паша подождал — пять секунд, потом десять. Когда стало ясно, что Ковалёв сам не повернётся, пришлось заговорить поверх стука.

— Михаил Андреевич, простите. Я закончил основной расчёт по своей дипломной задаче. По ходу работы возник вопрос — что было бы, если бы транспортный модуль не запустили и станция пошла вниз сама. Я попросил Наталью Семёновну подобрать материал в нашем фонде. По этому сценарию у нас ничего не нашлось. Может быть, я плохо сформулировал? Подскажите, где можно ещё посмотреть.

Ковалёв оторвался от экрана не сразу — снял очки, положил на стол рядом с институтской ручкой, и поднял глаза на Пашу.

— Соколов, — сказал он, — вам надо получить допуск.

Глава 6

Совершенно секретно.

На пятом этаже здания на Чаоянмэньнаньдацзе, в кабинете заместителя министра иностранных дел КНР Сун Вэйдуна, слева направо лежали три папки — Москва, Вашингтон, Брюссель. Сун, в светло-серой рубашке без галстука — галстук он сегодня надел и снял дважды и оставил в ящике, — держал в руке четвёртую папку. За последние три недели каждая из первых трёх по очереди отпала: в Москву по такому не идут, в Вашингтон такое прямо не передают, в Брюссель передают, но через четверо суток то же самое оказывается в Вашингтоне; оставалась четвёртая. За эти же три недели Сун перебрал в ней столько вариантов одного предложения, что к этому утру оно ужалось до одной фразы, одного имени и паузы перед именем.

Пекин. Чаоянмэньнаньдацзе, дом 2. Среда, восьмое июля две тысячи двадцать шесть, без четверти одиннадцать утра по местному.

Сун положил её на стол поверх трёх остальных, снял трубку городского, набрал три цифры секретариата.

— Пригласите.

— На какое время? — спросил Чжоу.

— Японского посла. К одиннадцати.

Сун опустил трубку, подошёл к окну и с полминуты стоял у него молча, потом вернулся к столу, открыл четвёртую папку, перечитал лежавший сверху лист, в котором за прошедшие три недели уже не оставалось ничего, чего бы он не помнил наизусть, и закрыл папку обратно.

* * *

Канасуги Кэндзи, посол Японии в Китае, шестидесяти шести лет, за тридцать восемь лет в министерстве сменивший четыре посольства, два центральных департамента, шесть министров и одну жену, сидел сзади справа в служебном «Лексусе». Приглашение пришло вчера в шестнадцать сорок без формулировки. Это означало одно из двух: очень плохое или очень хорошее. И в обоих случаях работать предстояло без вчерашней подготовки — та была собрана к Тайваню или к экспорту двойного назначения, а тон голоса заместителя протокольного шёл мимо обоих.

«Лексус» прошёл КПП, обогнул клумбу со стриженным самшитом и встал у северного входа, и Канасуги, выходя из машины, попал из кондиционированной прохлады салона в пекинский июльский воздух, где было за тридцать.

Чжоу, протокольный, провёл его на пятый, в полушаге впереди; Танигути Кодзи, переводчик, шёл в полушаге сзади. У двери двести тридцать семь стоял Сун. Не за столом — навстречу.

— Господин посол.

— Господин заместитель министра.

* * *

В кабинете на овальном столике между креслами стояли две фарфоровые чашки с горячим жасминовым чаем; Канасуги опустился в кресло, чашки не тронул и ждал, пока хозяин сядет напротив. Сун сел, пригубил первым; тогда отпил и Канасуги.

В углу за креслом Сун висел свиток — четыре иероглифа на белом шёлке. В марте, в свой прошлый визит, Канасуги прочёл их про себя как «приходящий — друг». Сегодня посмотрел на свиток ещё раз и прочитал иначе: «гость определяет хозяина».

— Господин посол. — Сун поставил чашку. — Сегодняшний разговор — не по линии Тайваня. И не по линии экспорта.

— Я слушаю.

— У нас в Министерстве в последние месяцы зреет одна инициатива, и я хотел бы поделиться ею с вами в порядке предварительного зондажа — до того, как она пойдёт по официальным каналам. Если вы найдёте её несвоевременной, она в этой форме и останется.

— Прошу.

Сун помолчал. За спиной у Канасуги тикали наручные часы Танигути — старые швейцарские, отцовские, потёртые на рёбрах; стекло переводчик всё семь лет собирался поменять, да не доходили руки.

— Наша орбитальная станция «Тяньгун» начиная с двадцать седьмого года расширяется. Хабовый модуль, потом два лабораторных. Эксплуатационная высота — от трёхсот сорока до четырёхсот пятидесяти. У японской программы в этом коридоре двадцать лет измерений: НТВ, теперь НТВ-Х. У нас в Институте механики и применений возникла мысль начать на институтском уровне разговор с японской стороной по обмену данными о среде — без бортовой телеметрии, исключительно среда. Я был бы признателен, если бы Япония рассмотрела эту инициативу.

— Я готов это довести до Токио.

— Благодарю. — Сун поставил чашку и несколько секунд молчал, глядя в окно поверх головы Канасуги; Канасуги паузу не торопил.

— И ещё одно.

— В этом разговоре, на нашей стороне, прозвучала одна японская фамилия — фамилия специалиста, с которым нашим коллегам было бы естественно начать. Окамура. Имя — Дайсукэ.

Канасуги кивнул, как будто всю жизнь знал это имя. До этого утра он его не слышал ни разу.

— Окамура Дайсукэ.

— Благодарю.

Сун улыбнулся коротко, одними губами; Канасуги встретил эту улыбку молча.

* * *

Они допили чай в молчании, и Сун посмотрел на наручные часы.

— Господин посол. Передавайте министру Мотэги поклон. Мы не виделись с двадцать третьего, до его повторного назначения.

— Передам.

Они встали, и Сун проводил Канасуги до двери, в дверях остановился — за порог не вышел.

* * *

В лифте Канасуги молчал, а Танигути смотрел в свой блокнот, в котором на третьей строке стояло имя, которого ни он, ни посол сегодня утром ещё не слышали.

«Лексус» прошёл КПП в одиннадцать пятьдесят шесть и двинулся по проспекту Чаоян-вай в средней полосе; Юй вёл ровно, и ни на одном повороте посол не качнулся.

— Танигути-кун.

— Да, господин посол.

— По возвращении соедините меня с Токио. Спецсвязь, министру лично.

— Принято.

— И телеграмма. Обоснованное предположение об утечке внутренней структурной информации Японского космического агентства. Срочный аудит по фамилии. Сопровождающую записку подпишу я лично.

— Принято.

Танигути записал — перо у него ложилось мелко, ровными вертикальными столбцами, — а Канасуги отвернулся к правому окну: по соседней полосе шёл городской автобус, и в одном из его окон, прислонившись к стеклу лбом, стоя спал мальчик лет восьми.

Жена в Токио в эту минуту, по-видимому, обедала. Канасуги подумал об этом и тут же остановился: продолжать значило вспоминать, что через полтора года выходить в отставку, ещё через полтора возвращаться к жене насовсем, что за тридцать восемь лет совместной жизни они прожили под одной крышей хорошо если двенадцать. Эту мысль он знал наизусть, и ходить по ней ещё раз сегодня не было ни сил, ни смысла.

* * *

В посольстве Японии на Лянмацяо «Лексус» встал у северного крыльца в двенадцать семнадцать. Канасуги поднялся к себе на третий этаж, снял пиджак, повесил его на спинку стула и подошёл к окну. В саду с июня цвели лилейники — оранжевые, плотные, без запаха. Садовник, работавший в посольстве одиннадцатый год, три года назад сказал по поводу лилейников фразу, которую посол с тех пор запомнил: «Они цветут одно утро. Один цветок — одно утро. На следующее — новый. Поэтому смотрите утром».

Канасуги посмотрел.

Танигути зашёл в час двадцать.

— Господин посол. Шифровка ушла в двенадцать сорок одну. Получение подтверждено в час восемнадцать.

— Хорошо.

— Министр на совещании. Референт обещал, что прочтёт сразу.

— Подождём.

Танигути сел в кресло у стены и не двигался. Канасуги опустил за свой стол, налил из графина воды и отпил половину стакана; в правом углу стола стояла рамка с фотографией годовалого внука, и на неё посол сегодня не посмотрел. Через несколько минут он встал, прошёлся до двери и обратно, снова сел и поглядел на настенные часы — было час двадцать восемь.

* * *

Телефон спецсвязи стоял на отдельном столике у левой стены — чёрный, без диска, с одной красной кнопкой сбоку. Зазвонил он в два сорок шесть.

— Канасуги.

— Канасуги-сан. — Голос Мотэги в зашифрованном канале шёл с задержкой в полсекунды.

— Прочёл вашу телеграмму.

— Да, господин министр.

— Сделал у себя одно уточнение. По существу — вы поняли правильно.

— Хорошо.

В трубке стояла тишина — короткая, чистая, без фона.

— Канасуги-сан. У меня к вам два пожелания. Первое — в Пекине ничего самостоятельного не предпринимать. Источник мы будем искать здесь.

— Не предприму.

— Второе — завтра у меня в десять разговор по обычному каналу. После него я вам перезвоню — на посольский телефон, в течение дня. Если до конца рабочего дня по Пекину звонка не будет — значит, разговор пошёл не туда; в этом случае получите указания через секретариат.

— Понял, господин министр.

— Канасуги-сан. — Мотэги выдержал паузу. — Сегодня у вас был длинный день.

— Да.

— Спасибо.

Линия дала разрыв.

* * *

Канасуги положил трубку и посмотрел в окно: лилейник, на который он смотрел утром, к двум сорока восьми сложился — оранжевые лепестки свернулись в трубку, и трубка лежала на том же стебле, а Танигути в кресле у стены закрыл блокнот.

— Идите домой, Танигути-кун. Завтра в восемь.

— Господин посол...

— Я сам всё закрою.

Танигути встал, поклонился и вышел, и дверь за ним закрылась.

Канасуги сидел за столом ещё минуту, потом поднялся, подошёл к окну, постоял у него полминуты и отвернулся.

Знают.

Глава 7

— Да мы всё это знаем.

Эшли Парк положила кликер на трибуну, выдохнула в микрофон короткое «спасибо, Майкл», и Хэнк в первом ряду уголком губ улыбнулся в свой бумажный экземпляр, не отрываясь от него.

Вашингтон, заседание подкомитета по космосу. Четверг, тридцатое июля две тысячи двадцать шесть, десять часов сорок две минуты утра.

— Тогда у меня всё, господа. Если есть вопросы — я тут. Если нет — комитет работает быстрее, чем SpaceX делает слайды.

Хэнк отложил карандаш на бумажный экземпляр, поверх той строки, которую только что подчёркивал, и перевёл взгляд на Эшли; за её спиной на экране всё ещё стоял первый слайд. В зале часть мест пустовала, кто-то из членов подкомитета смотрел в телефон, кто-то перешёптывался по своему делу. Руку никто не поднял.

Председательствующая ударила молотком, поблагодарила SpaceX за informative update, попросила приобщить материал к пакету по двадцать седьмому fiscal year и закрыла заседание.

Эшли убрала ноутбук в сумку, кабель сложила в футляр, кликер положила в боковой карман — и за это время к трибуне подошёл Майкл.

— Эшли. У меня час. Хэнк свободен. Сходим в Off the Record?

Эшли застегнула сумку и перекинула ремень через плечо; ассистентка собирала ноутбук в серый рюкзак и при слове Off the Record кивнула, не поднимая головы; Хэнк уже стоял у двери с распечаткой под мышкой.

* * *

— Давай я угадаю, — ассистентка ставила свой Aperol на середину стола, — у тебя в Хоторне на этой неделе опять про Марс.

Эшли держала бокал chardonnay перед собой и смотрела не на ассистентку, а на Хэнка через стол. Хэнк смотрел в свой old-fashioned.

— Не угадывай.

— Я же не от себя спрашиваю. У меня сенатор сегодня в три позвонил, спросил, что у вас на повестке в августе. Я сказала, что в SpaceX не работаю и мне неоткуда знать. Сенатор ответил, что вообще-то это единственное, ради чего он сейчас в комитете сидит.

Майкл, не глядя ни на кого, помешал Manhattan палочкой.

— Передай сенатору, что у нас на повестке Марс. На завтра, на следующую неделю и до конца года. Если ему этого мало, пусть приходит в ноябре на open hearing — мы и там будем про него.

Хэнк допил остаток bourbon одним глотком и сразу подозвал бармена за стойкой жестом, который тот поймал с другого конца зала.

— Эшли, у вас в Хоторне по дозаправке на орбите какой сейчас сценарий?

— Реалистично — октябрь.

— А запасной?

— Уже следующее окно.

Хэнк забрал у бармена новый old-fashioned, попробовал на язык и, оставшись доволен пропорцией, поставил стакан перед собой. Эшли допила chardonnay; от второго бокала отказалась лёгким движением пальца над сумкой, давая бармену понять, что больше не нужно.

Ассистентка повернулась к Эшли всем корпусом.

— Эшли. Я не для протокола спрашиваю. У сенатора с двадцать восьмым окном что-то не сходится. У него в комитете лежит цифра по подрядчику: семь и две на три года. И у нас к

этому подрядчику на двадцать восьмой год в отдельном пакете — ещё четыре и шесть. Сенатор смотрит и не понимает, четыре и шесть — это к семи и двум добавляется или это вместо.

— Идёт отдельной строкой через ОМВ и складывается с предыдущей.

— Точно?

— Я последнюю версию свода видела во вторник.

Майкл, всё это время сидевший рядом с Эшли спиной к залу, в эту секунду повернул голову к ассистентке.

— Это и так в служебной записке проходит чёрным по белому.

— У сенатора служебной нет. Сенатору давали выжимку.

— Тогда пусть запросит служебную.

— Майкл, ты знаешь, что он этого не сделает.

Майкл положил палочку поперёк стакана.

— Эшли, ты только что подтвердила цифру, которую тебе подтверждать было не положено.

— Я подтвердила цифру, которую у нас в Хоторне знает любой на втором этаже. Если у сенатора этой цифры не знает его собственный комитет, это не моя проблема.

Хэнк через стол посмотрел на Эшли и подержал взгляд две секунды дольше обычного.

* * *

К семи Майкл встал — у него в телефоне щёлкнуло сообщение от сенатора, и он, не читая текста, по одному звуку щелчка понял, что выезд в Александрию сдвинули, но всё равно пора, — попрощался с Эшли формальной тёплой фразой про подкомитет, который всегда рад её слышать в Hart, и пошёл к выходу. Ассистентка поднялась за ним, потому что ехала в Maryland в ту же сторону и предложила Майклу подбросить её до Foggy Bottom, где она оставляла свою машину; на ходу она ещё раз поблагодарила Эшли за разъяснение по двадцать восьмому окну, и в её благодарности было ровно то количество искренности, какое в этом баре между лоббистом и ассистенткой сенатора уместно за вечер, не больше и не меньше.

Хэнк допивал второй old-fashioned ещё минут двадцать, пока Эшли сидела напротив, и за это время он говорил мало, а Эшли — ещё меньше, и разговор шёл о вещах нейтральных, какие в Off the Record обсуждают между собой профессионалы, понимающие друг друга без необходимости подтверждать это словами; в какой-то момент Хэнк, не глядя на Эшли, сказал, что в августе он будет в Лос-Анджелесе по своему делу, и что если у неё найдётся свободный вечер, он был бы рад её увидеть, и Эшли ответила, что её график сообщит ему ближе к датам, и они оба это запомнили.

Без двадцати восемь Хэнк подписал чек, повёл рукой бармену в знак благодарности и поднялся; у выхода из кабинета он на секунду остановился и обернулся.

— Эшли.

— Да, Хэнк.

— То, что ты сегодня сказала про четыре и шесть — этого ты не говорила.

— Я и не говорила.

Хэнк прошёл через зал и поднялся по лестнице, не оглянувшись. Эшли осталась в кабинете одна; у неё на столе стоял пустой бокал и недопитая вода в стакане, и она ещё минуту просидела, глядя на эту воду, потом достала телефон, посмотрела на время, убрала обратно в сумку и встала.

* * *

В Lafayette Square было тёплое июльское вашингтонское восемь часов вечера, и через сквер шли в обе стороны те же люди, что ходили по нему все эти двадцать лет в это же время — туристы с фотоаппаратами у статуи генерала Джексона, пожилой мужчина с табличкой про Палестину у северного входа в Белый дом, молодая мать с двумя детьми у фонтана с южной, бегунья в розовых наушниках, не замечавшая никого вокруг себя, — и Эшли, остановившись

на углу 16-й и Pennsylvania, посмотрела через дорогу на Hay-Adams, потом на парк, потом на Pennsylvania Avenue, по которой в эту минуту шла обычная для конца дня плотность движения, и подумала о том, что слушание сегодня прошло точно так, как должно было пройти, что Off the Record прошёл так же, что август в Лос-Анджелесе с Хэнком, скорее всего, пройдёт похожим образом, и что в её работе, в Хоторне, во всех тридцати восьми слайдах, которые она готовила, не оставалось ни одного решения, какое сейчас ещё нужно было бы принять, потому что в Вашингтоне между профессионалами иначе ничего не делается, и Эшли это знала с того дня, как в две тысячи семнадцатом году впервые вошла стажёром в стеклянную дверь Hogan Lovells на Тринадцатой улице.

Мы всё согласовали.

Глава 8

— Согласовано.

Анн Морван вытащила из-под стола пачку Gauloises, проверила пальцем, осталось ли там что-нибудь — оставалось три, — закрыла её обратно; Кьяра Конти из AISE справа от неё проследила это движение одними глазами, не поворачивая головы.

Брюссель, координационный стол по орбитальной обстановке. Вторник, восемнадцатое августа две тысячи двадцать шесть, девять часов тридцать одна минута утра.

Слово произнёс председательствующий, бельгиец в сером без галстука, отметив таким образом конец первого блока повестки, и в эту же секунду на дальнем конце овала зажглась лампочка микрофона у Кшиштофа из Варшавы — опередил он бельгийца на полсекунды, не дав тому закрыть папку и перейти ко второму.

— Один момент, господа.

— Слушаю, Кшиштоф.

— У меня к началу второго блока процедурное предложение. Мы обсуждаем сегодня обмен данными по сведению МКС в рамках объявленной повестки, и я хотел бы попросить о расширении формулировки повестки до того, как мы войдём внутрь.

Хайнц напротив Анн, представитель BND, мужчина пятидесяти с лишним лет в тёмно-синем костюме третьего дня, через стол медленно сложил руки в замок поверх кожаной обложки своей записной книжки. Этот жест Анн уже видела — за ним у немца обычно стоял разговор, к которому он был не готов.

— Кшиштоф, у нас порядок второго блока утверждён вчера вечером.

— Хайнц, порядок утверждён под предположение, что за прошедшую ночь объём имеющихся данных по этому досье не сдвинулся. Сдвинулся.

Председательствующий полсекунды смотрел в свою папку и закрыл её.

— Излагайте, Кшиштоф.

— У Варшавы за последние десять дней по этому досье возникло четыре наблюдения, которые я хотел бы выложить на стол одновременно, потому что по отдельности они менее значимы, чем в совокупности. Первое наблюдение касается того, что у американских коллег по программе сведения существует две модели коридора падения, публичная и служебная, и расхождение между ними по точке падения в худшем сценарии, по нашим данным, составляет до тысячи двухсот километров вдоль коридора. Публичную нам передавали в марте. Служебную не передавали и не передадут.

Хайнц записной книжкой не пользовался; смотрел Кшиштофу в лицо.

— Второе. У Москвы на «Звезде» есть скрытый топливный резерв, не заявленный партнёрам по программе, который позволяет в течение двенадцати часов провести один экстренный толчок, и направление этого толчка — на выбор. По имеющимся у нас данным, расчёт ведётся не только в физических параметрах, но и в политических. Москва за последние полгода в нескольких направлениях формирует список тех территорий, которые в случае неблагоприятного сценария она будет стараться обойти, и список тех, которые она обходить не будет. Это третье наблюдение и оно ко второму примыкает.

— Кшиштоф, — сказал Хайнц, — это серьёзное заявление.

— Я знаю.

— Подкрепи.

— У Москвы в течение последних шести месяцев прошли двусторонние контакты с Бразилией, Дели, Гаваной, Алжиром и Преторией по линии гражданского космоса, на которых обсуждались — формально — совместные программы. В каждом из этих пяти случаев

в повестке встречи присутствовала тема «обеспечение безопасности территорий партнёра в условиях аварийных сценариев низких орбит». Я цитирую формулировку повестки, не свою.

Кьяра справа от Анн опустила карандаш на блокнот перед собой, и от этого движения у Анн в боковом зрении дрогнул лист; за окном на Rue de la Loi проходил трамвай номер девятно два, и его скрип на повороте к площади Шумана прошёл сквозь стекло конференц-зала и осел в той паузе, которую Кшиштоф сделал между третьим и четвёртым наблюдением.

— Четвёртое. По нашим данным, аналогичную работу в той же логике параллельно ведёт Пекин. С Бразилиа, Дели, Исламабадом и Эр-Риядом. По существу — те же контакты, та же повестка, та же формулировка. Различие одно: Пекин в этих контактах не предлагает ничего физического, потому что физического рычага у него нет. Пекин предлагает информационную координацию и экономические гарантии. Бразилиа и Дели сидят на двух стульях одновременно — на московском и на пекинском, — и ни один из этих двух стульев в нашей сегодняшней координационной картине не виден.

Кшиштоф закрыл папку и положил руки поверх неё.

— Господин председательствующий. Из этих четырёх наблюдений у Варшавы вытекает один процедурный вывод. В течение ближайших трёх-четырёх месяцев каждая из тех столиц, у которых нет собственного физического рычага управления станцией, будет искать себе двусторонние гарантии. Москва уже ведёт пять таких разговоров. Пекин ведёт четыре. По имеющимся у нас фрагментам, в этой логике в той или иной форме участвуют ещё восемь-девять государств, не включая европейских. Из европейских по этой же логике двусторонние разговоры ведут как минимум Берлин, Рим и Париж, и я подчёркиваю, что говорю это с полным уважением к коллегам за столом. Варшава таких разговоров не ведёт. И поэтому у Варшавы предложение к столу: либо мы признаём, что европейская координация по этому досье формальна, и каждая столица идёт своим двусторонним путём, либо мы открываем всю картину наших двусторонних контактов в этом зале и собираем общую позицию. Третьего варианта я в сегодняшнем раскладе не вижу.

Хайнц в эту секунду глаз с Кшиштофа не сводил.

— Кшиштоф, у меня уточнение по существу. На каком основании ты утверждаешь, что Берлин ведёт двусторонний разговор с Москвой по этому досье.

— Хайнц, на основании того, что в последние шесть недель у твоего ведомства резко сократились запросы в наш адрес по российскому каналу, при том что российская активность за этот же период не сократилась, а возросла. Это означает одно из двух — либо у тебя появился собственный канал, по которому ты получаешь то, что раньше получал от нас, либо у тебя появилось основание считать, что наши данные тебе больше не нужны. Первое я объясняю двусторонним разговором. Второе исключаю, потому что наши данные хорошие.

— Может быть третье.

— Назови.

— У нас могла появиться договорённость о том, что мы обмениваемся с тобой через другой формат.

— Хайнц, такой договорённости у нас нет.

— Тогда ты прав в первом.

Анн почувствовала, как в эту секунду все четыре пары глаз за столом — Кшиштофа, Хайнца, Кьяры и председательствующего — оказались направлены не на немца, чьё подтверждение только что прозвучало, а на неё; и каждый из четверых ждал, как Анн ответит на вопрос, который ещё не был задан.

Председательствующий ручкой провёл по своей папке короткую черту.

— Анн. У вас по этому же вопросу что-то есть?

Анн положила обе руки на стол ладонями вниз. В её левом кармане жакета лежала записка директора DGSE, согласованная с Кэ-д'Орсэ накануне в восемнадцать тридцать, на

одной строке: «не идти впереди Берлина, держать Варшаву». До подтверждения Хайнца этих шести слов хватало. После — Берлин и Варшава встали на две взаимоисключающие позиции, и держаться обеих одновременно перестало быть возможно.

— У Парижа по двусторонним контактам с Москвой за последние шесть месяцев — необходимость отдельной консультации в столице, перед тем как обсуждать их в формате стола.

— Анн, — сказал Кшиштоф ровно, — то есть у Парижа двусторонние контакты с Москвой за последние шесть месяцев есть.

— Я этого не сказала.

— Не сказала. Но я тебя слышу.

В зале на эти три секунды стало тихо тем особенным звуком брюссельской тишины, в которой за окном на Rue de la Loi уже не проходил трамвай, а на нижнем этаже проходила секретарша по коридору, и её каблуки по мраморному полу слышались в любой комнате этого крыла; и в течение этих трёх секунд Хайнец смотрел не на Анн, а на свои сложенные в замок руки, и Кьяра справа от Анн смотрела не на Анн, а на свой карандаш на блокноте, и председательствующий смотрел не на Анн, а на свою ручку, лежащую поверх папки с короткой чертой, и каждый из них этим направлением своего взгляда говорил Анн одно и то же — что её ответ они слышали, и что слышали они в нём то, что она в нём не сказала.

Кшиштоф откинулся в кресле.

— Господин председательствующий. Из сегодняшнего обмена у Варшавы вытекает следующее. Если Берлин ведёт двусторонний разговор с Москвой, Париж ведёт двусторонний разговор, и Рим, по моим основаниям, тоже ведёт двусторонний разговор, — то у Варшавы остаётся один вариант обеспечения собственной территории в коридоре падения, и этот вариант не европейский. Я ставлю стол в известность, что в течение ближайших двух недель Варшава начнёт двусторонний разговор с Лэнгли в обход координационного механизма. Я делаю это публично и предварительно, чтобы наши коллеги имели возможность учесть это в своих расчётах.

Кьяра справа от Анн в эту секунду подняла руку.

— Если позволите. У Рима по предложению Варшавы — реакция. Мы ведём двусторонние разговоры с Пекином по гражданским сюжетам, и эти разговоры в нашем понимании к проблематике сведения МКС прямого отношения не имеют. Однако в свете того, что прозвучало сейчас, мы готовы рассмотреть возможность открытия фрагмента нашей пекинской коммуникации для координационного формата на условиях взаимного открытия со стороны Берлина и Парижа. Это наше предложение и наша попытка не уходить вслед за Варшавой в сторону Лэнгли.

Хайнец медленно разнял сложенные руки и положил ладони на стол.

— У Берлина по предложению Рима — необходимость отдельной консультации в столице.

— У Парижа — то же самое, — сказала Анн, и в её голосе на эти семь слов появилась интонация, которой у неё в этом зале до сегодняшнего утра не было; все четверо за столом её расслышали, и никто из них в течение оставшегося заседания вслух о ней не говорил.

Председательствующий аккуратно положил ручку поверх папки и в течение тех нескольких секунд, пока он смотрел на лежащую перед ним черту, в зале не произнесли ни слова; за окном на Rue de la Loi снова прошёл трамвай, на этот раз в обратную сторону, и в его скрипе на повороте Анн в первый раз за три года в своей нынешней должности услышала тот самый звук, который её отец, бывший преподаватель Sciences Po, в семьдесят восьмом году в Алжире однажды описал ей одной фразой: «когда стол перестаёт держать всех, кто за ним сидит, единственное, что у каждого за этим столом остаётся, — это его собственная сторона».

— Коллеги. По сегодняшнему второму блоку у нас четыре заявленные позиции, ни одна из которых не сводится с другими, и три объявленных намерения о двусторонних консульта-

циях, ни одно из которых не подлежит координации в формате стола. В таком положении я предлагаю формулу, под которой могут подписаться все четыре стороны, не отказываясь от своих заявленных позиций.

Возражений ни у Кшиштофа, ни у Анн, ни у Кьяры, ни у Хайнца — ни у одного по своей линии в эту секунду не нашлось, потому что у каждого из них уже было собственное продолжение разговора, и это продолжение шло мимо стола.

Председательствующий сделал отметку в своей папке.

Рассмотрим все варианты.

Глава 9

— Рассмотрим все варианты.

Климчук произнёс это, не отрываясь от своей раскрытой папки, в кабинете на Бережковской, и фраза была обращена не к Кате, сидевшей напротив на одном из двух гостевых стульев у длинного приставного стола, а в сторону Прохорова, сидевшего справа. Катя подняла глаза от раскрытого блокнота.

Москва, Бережковская набережная, дом 22, кабинет 312. Четверг, десятое сентября две тысячи двадцать шесть, четырнадцать часов сорок одна минута.

Климчук перевёл взгляд с Прохорова на Катю.

— Катя. Андрей Васильевич сегодня здесь по моему приглашению. У вас через две недели Прага, и до Праги вам нужно в голове держать не только то, что я вам по моей линии расскажу, но и то, что Андрей Васильевич вам расскажет по своей. Слушайте его.

Прохоров, шестидесяти одного года, главный конструктор РКК «Энергия», в тёмно-зелёном свитере крупной ручной вязки, кивнул, не глядя в сторону Кати, перелистнул свой экземпляр документа на нужную страницу и положил руку на стол ладонью вниз.

— По публичной картине у нас российский сегмент сводится в две тысячи тридцатом году кораблём USDV — контракт «Спейс-Икс» с НАСА от июня двадцать четвёртого, восемьсот сорок три миллиона. Эту картину в Праге будут произносить ваши старшие. Вам её произносить не надо. Вы туда едете не как лицо делегации, а как технический эксперт. Молодой расчётчик. Поэтому от микрофонов вы держитесь в стороне. Ваше дело — слушать, что говорят другие. Слышать вы должны на двух уровнях. Первый — что они произносят вслух. Второй — то, чего они не произнесли, но что в их манере, в паузах, в тоне на это указывает.

— Я понимаю, Андрей Васильевич.

— Это публичная часть. Дальше — другое.

В кабинете на Бережковской за окном доносился далёкий шум с Бородинского моста.

— У нас, Катя, помимо публичной картины, есть служебная. Она не публикуется, в открытом доступе её нет, и в Праге вы на неё ссылаться не будете. Но носить её в голове должны. Служебная картина в том, что план А — то, что я только что назвал, — сам по себе под угрозой по техническим причинам, в которые я сейчас вдаваться не буду. Достаточно знать одно: план А может не сработать. И если не сработает, у нас есть план Б.

Катя ручку над страницей подержала секунду, потом опустила и написала: «План А может не сработать. План Б». На Прохорова посмотрела.

— План Б делится на две части. Названия — как в служебных документах, без украшений. Часть первая — «океан». Если по любому из сценариев, в которых план А не срабатывает, мы в течение двенадцати часов до фактического схода видим, что станция идёт в океан, — мы с этим планом ничего не делаем. Океан — это то, что мы и публично обещали. Мы говорим, что всё пошло как было запланировано, и публичная картина в этом случае от служебной не отличается.

— Понимаю.

— Часть вторая. Если в эти же двенадцать часов мы видим, что станция идёт не в океан, — у нас на «Звезде» есть резерв топлива, который мы партнёрам по программе не заявляли, и который позволяет в течение этих двенадцати часов произвести один импульс. Импульс — попросту толчок. Направление выбирается. Об этом в Праге вы не скажете ничего и никому. Это не закладка. Это инженерная возможность.

Катя ручку опустила во второй раз. В блокноте под строкой «План А может не сработать. План Б» теперь стояло: «Часть 1. Океан. Часть 2. Импульс на „Звезде“, 12 часов, направление выбирается». Под новой записью Катя провела двойную черту.

Прохоров от страницы поднял глаза и посмотрел на Катю впервые за полчаса.

— Если в Праге кто-то из коллег эту тему до вас донесёт — что вы делаете.

— Молчу. В тот же вечер передаю Петру Сергеевичу.

— Хорошо. Запишите.

Климчук медленно положил ручку поверх своих записей.

— Катя, дополнение. Если кто-то из иностранных коллег в Праге к вам с этой темой подойдёт, это означает, что разговор был ему заранее срежиссирован, и подошёл он не сам. Поэтому вы не реагируете как на знакомую формулировку. Говорите, что не уполномочены, и в тот же вечер звоните мне.

Катя записала. В блокноте теперь стояли пять строк, четыре подчёркнутых.

Климчук закрыл свою папку до половины и, прежде чем продолжить, посмотрел на Катю поверх неё.

— Катя. Прежде чем дальше пойдём по конкретике, я вам скажу одну вещь, которой нигде в инструкциях не написано, и которую вы поймёте за полминуты. Иначе вас здесь сегодня не было бы.

Катя ручку положила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.